

Лаврентьева Нина Лаврентьевна (1923-2016)
– кандидат исторических наук,
в 1976-1990 гг. доцент кафедры марксизма-ленинизма
Астраханской государственной консерватории.

СЛУЖИЛИ ДЕВЧАТА В АВИАПОЛКУ ...

Когда началась война, я окончила 51-ю школу в Астрахани, мы с подружкой поступили в мединститут, но вскоре его пришлось эвакуировать. Полкурса мы занимались, а потом начали упаковывать все, что там было: медицинские экспонаты, книги и прочее. После этого нас призвали на курсы оружейниц, точнее, это была школа младших авиационных специалистов, так называемая ШМАС. Мы должны были научиться обслуживать вооружение самолетов. Учились несколько месяцев. Занятия проходили в помещениях Красных казарм – это неподалеку от нынешней площади Ленина, в сторону Волги. Жили мы в клубе речников, нас было триста девчат. На занятия мы ходили строем по улице Желябова, а в 46-й школе был госпиталь. Представляете, идут триста девчат, конечно, поют, и раненые из окон всех четырех этажей госпиталя машут нам и кричат: «Девчата, спойте «Махорочку»! Была такая песня задорная. Припев до сих пор в памяти: «В даль глядят дозоры зорко, мы готовы в бой».

Нина Лаврентьевна Лаврентьева

А в первых числах июля 1942 года нас посадили на баржу, пароходик дотацил до Сталинграда, затем на поезд – через станцию Лихая, там и первая бомбежка. Потом – Ворошиловград и авиагородок, крохотный, с названием «Острая могила», он только что был построен, аккуратный, чистенький. Оттуда нас распределили по полкам. Среди тринадцати девчат – все астраханки (оружейницы), я попала в 7-й штурмовой авиаполк. Командиром 2-й эскадрильи у нас был майор, участник гражданской войны **Хаим Янкелевич Хаипер**, потом он стал командиром нашего авиаполка.

Нас отправили на хутор Смелый, под Ворошиловград, где стоял полк. Летом сорок второго немцы прорвали советскую оборону на Южном фронте и началось наше отступление. Следующая точка, куда должны перебазироваться самолеты, – станция Погорелая, что рядом с Доном. Там был огромный железнодорожный мост, и когда мы перебирались, немцы бомбили и дорогу, и мост, и наш аэродром. Здесь погибло четырнадцать человек из техсостава полка. Когда стемнело, нас, весь техсостав, выстроили. Самолеты уже перелетели на следующий аэродром, а нам сказали: вот дорога на восток, за ночь нужно дойти до станицы Кагальницкой – там теперь аэродром. На этом аэродроме погибли оружейник **Саша Платонов** и командир третьей эскадрильи Герой Советского Союза **Илья Петрович Мосьпанов**, уроженец тех мест – его очень любили в полку, и когда после войны мы встречались, его всегда первым поминали. Наш аэродром был плотно блокирован немецкой авиацией, а приказ за приказом – лететь! И на взлете его самолет сбили. Штурмовик упал на краю аэродрома, я это хорошо помню, в глазах до сих пор эта картина. А мы уходили все дальше на восток... От Ворошиловграда дошли до предгорий Кавказа, до совхоза «Средние Ачалуки», там уже от полка осталось два самолета, два летчика и техсостав, кто уцелел. Однако нам приказали перейти через ближний хребет и выйти к Махачкале, опять пешком. Ночевать приходилось в пустых саклях, питались грецкими орехами, что росли на огромных деревьях. Спустились в долину, вышли к Махачкале, а потом дошли до Дербента, где постепенно весь техсостав и собрался.

Пока там находились, помогали колхозам, дежурили около раненых в госпиталях. А оттуда нас перебросили под Грозный, в поселок нефтяников Катаямю. Вот тут нам дали красноармейские книжки, винтовки, комбинезоны, обмундирование. И каждую из нас прикрепили к самолету. В эскадрилье было два мастера по вооружению, старше нас, мы их батьками звали – батька Шевченко и батька Матвиенко, а еще механик и техник по вооружению. И мы до этого были просто на подхвате. А теперь у нас у каждой был свой самолет.

Прежде чем самолет улетит на задание, нужно было добавить к пулеметам и пушкам патронов и снарядов, а в день было по несколько вылетов. Для этого надо было залезть на крыло, открыть люк, втащить туда ящик со снарядами, а он весит 60 килограммов. Я не могла его одна

втащить, залезала и кричала механику: подай мне конец ленты, со снарядами, конечно. И нужно было еще в лентах равнять снаряд за снарядом, а то пушку заклинит. А руки у нас еще непривычные, да и дело это опасное. **Зоя Хашикина** в первой эскадрилье ударила второпях деревянным молотком, вправляя снаряд в ленту, и снаряд у нее в руках разорвался. А в нашей эскадрилье был опытный оружейник **Гриша Медведев**, так у него однажды гильза отлетела, и ему ухо начисто оторвало, и он в полк после госпиталя уже не вернулся. То есть нужно было все делать очень быстро, очень осторожно и очень тщательно. Вот добавила к пушкам снарядов, а их больше 400 штук, закрыла люк как следует, не дай Бог во время пикирования или крутого виража люк раскроется. Нам без конца техник по вооружению обо всем этом напоминал. Нужно также добавить патронов к пулеметам. С каждой стороны самолета в крыле – пушка и пулемет. Потом надо подвесить бомбы в четыре бомболюка. А бомба весом в сто килограммов, мы ее так и называли «сотка», в нее ввертывается специальный взрыватель. На аэродроме бомбы выгружались метрах в пятидесяти от самолета. Поэтому я вставала перед бомбой на колени и толкала вперед, а потом лебедками поднимали ее в бомболюк. Но у нас вечно не хватало лебедек. А под крылья штурмовика еще цепляли восемь реактивных снарядов.

Вот самолет улетел, и только об одном думаешь: дай Бог, чтобы он вернулся.

Вернулся, снова зарядили его оружие: так в день по два-три, иногда четыре вылета. А летчикам и воздушным стрелкам, конечно, приходилось очень тяжело: это же огромная физическая нагрузка, не говоря уже о постоянном ощущении опасности. Штурмовик Ил-2 – это машина для поля боя, для поддержки пехоты, для атаки наземных целей. Самый эффективный огонь с самолета – на бреющем полете. Поэтому иногда в обтекателях радиатора можно было найти ветки деревьев и кусочки земли: где-то, видно, чиркнул винтом по пригорку. Но для пехоты было очень важно, чтобы ее сопровождали Илы. Это был просто летающий танк. Конечно, он не такой маневренный, как истребитель. Когда кого-то собьют, ребята с горькой иронией говорили: ну, конечно, нас даже палкой собьешь. Но зато и урона врагу штурмовики наносили много.

Когда нужно было чистить пушки, их вытаскивали, счищали нагар, обрабатывали бензином. Один человек тут никак не мог справиться, крыло наклонное – и пушка катится по нему вниз, двое внизу ее ловят, ставят на ящик, а уж потом одна справляешься. В зиму с сорок второго на сорок третий мы так мучались: у пушек ШВАК была одна деталь – ее мы прозвали «блоха», она напоминала женскую шпильку больших размеров, ее надо было точно ввернуть по месту, а мы, девчата, не могли с этим справиться, стукнешь молотком, а она улетит в траву, в снег, и запасных не было. Все, кто рядом с этим самолетом, начинают по земле ползать, искать. А вот в сорок третьем, когда мы получили новые самолеты, на них уже стояли другие пушки – конструкторов Волкова и Ярцева, и там этой детали не было. Мы с облегчением вздохнули.

Когда кончался летный день, оружие уже подготовлено, бомбы подвешены, самолет готов, нужно его охранять. Это тоже возлагалось на техсостав. И мы все, девчата, ходили в караул к своим самолетам. Если холодно, через два часа два раза за ночь, если тепло, четыре часа подряд стоишь в карауле. А в Грозном такой туман был, руку вытянешь – пальцев своих не видишь, да и с гор постреливали. Тут уж не заснешь.

Ох, там так много наших погибло, в том числе два Героя Советского Союза **Василий Шамиурин**, удмурт по национальности, и **Петр Руденко**. **Володю Зангиева** сбили над Ардоном, а у него там мать жила и жена с двумя дочками. А он перед этим сбил немецкий самолет. Обгоревший, раненый, **Зангиев** упал прямо в расположение немцев. Над ним гитлеровцы издевались так, что представить трудно, об этом написана повесть «Человек из легенды». Бой в небе произошел на глазах у всех в концлагере, и **Володе** наши пленные солдаты старались помочь кто чем мог, и врач хороший оказался. Из плена, слегка подлечившись, **Зангиев** сбежал в партизаны. Его прозвище в отряде было Седой. Потом были всякие проверки, и в полк он вернулся только в октябре сорок четвертого. После войны он работал начальником аэроклуба во Владикавказе. Спустя много лет он был гостем Астраханского пединститута: когда я работала там, я его пригласила. Это была потрясающая встреча! Весь актовый зал забит, студенты стояли в проходах, сидели на подоконниках, а как слушали! И какой концерт дали для него! Мне потом говорили, что была еще такая же эмоциональная встреча с двумя астраханцами – защитниками Брестской крепости и писателем **Сергеем Смирновым**.

С января 43-го года началось долгожданное наступление, опять один за другим менялись аэродромы, и мы стремились уже на запад, а не на восток. Пехота шла вперед с нашей авиоподдержкой. Бои были тяжелые. Рядом с нами всегда стоял 46-й гвардейский Таманский полк

– «девчачий». Девушки летали на ПО-2, проще говоря, на «кукурузниках», поэтому в воздух поднимались ночью.

А самые тяжелые бои были в Краснодаре. Я потом прочла воспоминания одного военачальника-авиатора, который писал, что за всю войну не было таких тяжелых воздушных боев, как в небе Кубани. А мы и шли, наступая, через Кубань. Там тяжело ранили *Зину Фролову*, *Люсю Петрову*, *Тосю Жидовинову*. Никто из них в полк потом уже не вернулся. Вот *Людмила*, моя подруга, год и два месяца по госпиталям скиталась. После войны мы нашли *Зину* и *Люсю*, а *Тосю* так и потеряли из виду. Жива ли осталась, не знаем. При бомбежке у нее оторвало руку, и кровь долго не могли остановить. У меня есть фотография, где наши девчата в день 8 марта 1943 года сфотографировались у гвардейского знамени полка – еще все были живы...

Очень долго стояли под Керчью, почти полгода – такие изнурительные бои шли в Крыму. Немецкая артиллерия сосредоточилась на горе Митридат. Город как на ладони, весь простреливался. Тогда решили высадить десант морской пехоты южнее рыбацкого поселка Эльтиген. А высадка основного десанта задерживалась из-за шторма, наш полк также десантников поддерживал. А «девчачий» полк стоял через лиман на бугре и тоже по ночам бомбил немцев. Очень много погибло там моряков и летчиков.

Потом был Севастополь. Часть немецких транспортов успела уйти в море с личным составом и вооружением. В полк приехал командующий 4-й воздушной армии, обратился к летчикам: «Прошу добить эти транспорты, потому что сейчас гитлеровцы причалят в Румынии и опять будут против нас воевать». И ребята полетели. Повел эти экипажи *Костя Аверьянов*, Герой Советского Союза, мой командир. И потопили несколько транспортов. К счастью, все самолеты вернулись. А ведь море – это не земля. Если что случится с самолетом в море, все, не спасется. А транспорты были буквально напичканы оружием. Севастополь взяли 9 мая 1944 года. После этого полк стал именоваться 7-й гвардейский Севастопольский ордена Ленина Краснознаменный штурмовой авиаполк.

А потом самолеты перелетели на 2-й Белорусский фронт, часть техсостава тоже полетела – в бомболуках или в фюзеляжах, а мы поехали эшелонами – из Крыма через Украину в Белоруссию. Запомнилась станция Поньри. Еще все горело. наших солдат схоронили, а кругом немецкие трупы, жара еще, и запах такой в воздухе... А эшелон никак не мог оттуда уйти, путь был разобран, и техники сами чинили этот путь. И еще запомнилось, вокруг очень много цветов – и ромашки, и васильки, и еще какие-то необыкновенные цветы, которым мы названия даже не знали, трава в рост человека. И трупы...

Уже в сорок третьем в небе почувствовался наш перевес – и истребителей стало побольше, и штурмовиков. Уже легче стало. Запомнилась еще Тумановка – тем, как выходили партизаны, целые сутки выходили из леса. И такая деталь: у нас в полку была собачонка Бобик, так ребята ей навешали немецких наград, она бегала по улице с этими побрякушками.

Дальше Польша и Пруссия, вот там я первый раз увидела живых немцев. На берегу Вислы город Грауденц, крепость с высоченными стенами, и там стоял немецкий гарнизон. Немцы спустились из крепости, а идти некуда, дальше столетний лес и огромные замшелые валуны. Вот они этим лесом прямо на наш аэродром вышли. Из штаба дивизии приказали вооружить весь техсостав и выйти цепью в лес. Еще воздушные стрелки с нами были. Начало марта сорок пятого, снег, под ним вода. Мы цепочкой выстроились, с ружьем наизготовку, и пошли. Уже не стреляли, немцы сдавались сами. А дальше, где эсэсовцы шли, там была стрельба. Мы выводили немцев на проезжую дорогу к штабу дивизии, оттуда их отправляли в лагерь.

Дальше уже была Германия – аэродромы немецкие, капитальные, с бетонными взлетными полосами. Настроение уже победное. Наконец, звонок из штаба дивизии: Победа! Нас всех собрали на общее построение, гвардейское знамя нес *Николай Сергеевич Смурьгов*, старший лейтенант, харьковчанин, с первого дня участвующий в боевых действиях полка. Был тяжело ранен, но опять вернулся в строй. Из всех летчиков, кто начинал войну, только он один в живых остался. Потом торжественный обед, девчата сами все готовили, столы накрывали. Мы вспоминали всех, кого уже не было с нами, вспоминали Донбасс, Кубань, Крым. Этот День стал для нас всем праздникам праздник!